

А.Б. ЖДАНОВ, старший преподаватель, *baron52a@mail.ru*
Санкт-Петербургский Государственный Горный институт (технический университет)

A.B. ZHDANOV, senior lecturer, *baron52a@mail.ru*
Saint Petersburg State Mining Institute (Technical University)

ШКОЛЬНЫЙ БАРЬЕР

Затронуты некоторые психологические проблемы, возникающие у преподавателей при обучении английскому языку студентов 1-го и 2-го курсов. Рассматриваются их психологические аспекты в историческом контексте, а также общие недостатки школьного образования. Система тестирования предлагается как один из возможных способов решения указанных проблем.

Ключевые слова: студент, «коллективный разум», списывание, неприятие, психологическое отторжение, пути преодоления, тестирование.

FIGHTING SCHOOL HABITS

The article deals with some problems which occur when teaching English to first- and second-year students. The psychological reasons of those are considered from the viewpoint of Russian history, as well as shortcomings of the modern school system. Testing is regarded as a way to solve the problems specified.

Key words: student, “group mind”, copying, dislike, mental repulse, ways to overcome, testing.

Приступая к занятиям с новой группой 1-го курса, всегда следует помнить: перед нами – вчерашние школьники. (Исключения, конечно, бывают, но их очень немного). Поэтому, прежде чем дело дойдет до профессионально-ориентированного обучения и каких-либо тенденций развития, преподавателю приходится решать целый ряд проблем. О некоторых из них и пойдет речь.

Проблемы начинаются с первого дня. Я не стану затрагивать здесь вопросы дисциплины; моя тема – трудности, с которыми встречается преподаватель, работающий со «средними» и «слабыми» группами. Современная школа, как правило, не учит детей учиться, не дает им глубоких знаний по гуманитарным предметам (и не только), зато приучает их широко пользоваться «коллективным разумом», проще говоря – списывать. Это древнее и чрезвычайно живучее

зло досталось в наследство от ушедшего в историю общинного строя, при котором человек не имел реальной возможности ощущать себя самодостаточной личностью, был вынужден поступать «как все» и очень быстро привыкал прятаться за спины «коллектива», иными словами – рассчитывать не столько на себя, сколько на других. С этим неприятным явлением сталкиваются в той или иной степени все преподаватели, и в первую очередь – преподаватели такого специфического предмета, как иностранный язык.

Неизбежным следствием нездорового колLECTIVизма становится умственная лень, ярко проявляющаяся уже на предварительном тестировании. Многие студенты, не утруждая себя, заполняют опросные листы «в шахматном порядке». Это видно сразу: процент «попаданий» соответствует вероятностному уровню.

Очень быстро выясняется, что письменные задания имеет смысл давать только в классе; домашние сочинения на одну тему примерно на 70 % будут одинаковыми, слово в слово и с одними и теми же ошибками. Это считается в порядке вещей. никакие разъяснительные и воспитательные беседы не воспринимаются: наши студенты успели вдоволь наслушаться их в школе и выработать к ним стойкий психологический иммунитет.

Эта проблема – не единственная и не основная. Есть и другие, более серьезные. Рассмотрим одну из них. Группе 2-го курса было дано задание прочитать короткий несложный текст «*Summer time*» (о переводе часов на летнее время). Затем мы прочитали его вслух по частям, разобрали все грамматические конструкции, но целиком не переводили. После этого я спрашиваю: о чем идет речь? И девять студентов из десяти уверенно отвечают: о том, как провел лето (на дворе был сентябрь). И только один сказал: «Нет, это о том, что стрелки переводят».

Подобных случаев достаточно много. Не говоря уже о хорошо известных любому преподавателю примерах совершенно немыслимых переводов типа: «Экскаватор – это прибор, призванный шевелиться над шершавыми поверхностями». И возникает вопрос: как такое вообще возможно после стольких лет, потраченных на изучения языка? Постараюсь на этот вопрос ответить.

Изучение иностранных языков в обычных «массовых» школах можно назвать изучением лишь с большой долей условности. То каждые полгода новый учитель, то его два года вообще нет, то учебники устаревшие, да и тех не хватает и т.д. Все это я видел вблизи, когда работал в одной из таких школ. Но главным было другое.

Занимаясь с учениками седьмых-девятых классов, я обратил внимание на одно явление, о котором не слышал и не читал никогда и нигде. На лавры первооткрывателя, впрочем, не претендую. В этот период совпадают по времени два аспекта: начало «трудного» переходного возраста и тот уровень изучения языка, на котором необходи-

мо начинать хоть немножко думать не по-русски. И тут у многих учеников без всяких видимых причин появлялся агрессивный внутренний протест. Прямо никто ничего не говорил (они, разумеется, не понимали в чем дело), но во взглядах и между слов совершенно явственно читалось: почему нас хотят заставить говорить и думать не так, как мы привыкли? У некоторых этот протест выливался в довольно резкие формы, вплоть до переворачивания столов в классе и откровенных безобразий с целью «сорвать урок». Не следует думать, что такое происходило только у меня: другие учителя рассказывали, с незначительными вариациями, то же самое. Я назвал это явление психологическим отторжением.

Хуже всего то, что неприятие другого языка и неразрывно связанного с ним иного способа мышления быстро закрепляется по типу условного рефлекса. А это, в свою очередь, формирует отношение к иностранному языку не как к средству общения, а как к чисто учебному предмету: второстепенному, трудному, скучному и вообще ненужному. С такой психологической предустановкой большинство выпускников школ приходит в институт.

Здесь психологическое отторжение непривычного мировосприятия проявляется несколько иначе: в упорном нежелании усваивать что-либо новое и, как следствие – в частых пропусках занятий. То есть оно принимает форму не вполне осознанного пассивного сопротивления. В 17 лет у человека еще недостаточно развито абстрактное и образно-аналитическое мышление, необходимое для усвоения новых для него иноязычных понятий и логических построений. Первокурсники (как и большинство второкурсников) часто оказываются не в силах усвоить, что перевод – это вовсе не замена иностранных слов русскими, а нечто гораздо более сложное. Им очень трудно понять, что многие русские слова, такие как учебник, нельзя, льгота, купаться и десятки других не имеют прямых соответствий в английском, а слово *things* обозначает, как правило, вовсе не вещи, а некое абстрактное понятие. В результате психологическая за-

щита начинает работать с удвоенной силой, не допуская вторжения в сознание новых объемов информации и даже сокращая уже имеющиеся. Со стороны это выглядит так: студенты отчаянно цепляются за школьный уровень (у кого какой есть) и всеми силами стремятся не выйти за его пределы; новых слов не учат, грамматические правила не усваивают; при чтении то и дело пропускают окончания, а то и целые слова; при переводе стремятся до предела упростить фразу, в частности – поставить все существительные в форму единственного числа, а все глаголы – в настоящее время; в содержание не вникают. А если нужно писать контрольную или сдавать зачет, то мысль у них только одна: как списать. Это и есть тот самый школьный барьер.

Преодолеть его я пытался самыми различными способами, но без особого успеха. В конце концов я написал собственный краткий учебник «Tractate Zero», охватывающий весь необходимый материал от уровня «Beginner» до элементов «Upper-Intermediate» и максимально приспособленный к нашим условиям. Его первая часть – пять разделов – недавно выпущена в институте под названием «Английский с нуля». Он, в частности, содержит большое количество упражнений на подстановку, что дает студентам возможность хорошо подготовиться к основной части экзаменационного теста. Помимо этого, к первой части я составил маленький тест из десяти вопросов

по грамматике. Чтобы получить зачет, надо правильно ответить на семь. Броде бы просто. Но тест имеет десять вариантов, что исключает возможность списывания.

Результаты первой попытки были для студентов настоящим шоком: из нескольких групп зачет сумел получить один(!) человек. После четырех попыток зачет сдали все. Неожиданный массовый провал на первом заходе оказался для них сильнейшей психологической встряской. И после этого они все (или почти все) сумели выучить. И в какой-то мере усвоили. Восприятие предмета изменилось. Школьный барьер частично удалось преодолеть.

Можно ли снять его полностью? Я думаю, что в нынешних условиях – нет. Но возможность значительно уменьшить его влияние несомненна. И такую возможность дает система тестирования, будто специально созданная для России. Ее правильное применение ставит студента в принудительную ситуацию: воспользоваться «коллективным разумом» он не может и вынужден полагаться исключительно на собственные знания, попутно развивая в себе уверенность в своих силах и чувство здорового индивидуализма. Следовательно, помимо своей основной задачи – объективной оценки знаний – система тестирования может выполнять еще и важную социальную функцию, способствуя постепенному избавлению молодых людей от вредных пережитков общинного строя.